

Посвящается Аванесову Вадиму.

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Цой Л.Н. – канд. соц. наук¹

Оглавление

1. Введение: антропологический кризис и проблема границ человеческого
2. Человек как проект и задача: между наличным и должным
3. Конфликт природы и свободы в кантовской антропологии
4. Ницшеанский вызов: критика человечности как «морали рабов»
5. Достоевский и Ницше: антиподы в диалоге о человеке
  - 5.1. Достоевский: человек как тайна и образ Божий
  - 5.2. Ницше: человек как мост и препятствие
  - 5.3. Богочеловек против сверхчеловека: сравнительная характеристика
6. Влияние идей Достоевского и Ницше на государственное устройство
  - 6.1. Достоевский: «все за всех виноваты» — соборность и ответственность
  - 6.2. Ницше: иерархия и воля к власти
  - 6.3. «Бесы» как пророчество о тоталитаризме
  - 6.4. От сверхчеловека к идеологии расового превосходства
7. Хайдеггеровская критика гуманизма: конфликт с метафизической традицией
8. Моральное измерение человечности: конфликт индивидуального и общественного
9. Русская философия о человеке и человечности
10. Разведение понятий «человек» и «человечность» как методологическая основа анализа
11. Развитие границ человеческого: от биологического вида к постчеловеку
12. Человечность как разрешение фундаментальных конфликтов
13. Заключение: человек как пограничное существо между животным и сверхчеловеком
14. Словарь понятий и терминов
15. Список литературы

1. Введение: антропологический кризис и проблема границ человеческого

Вопрос о том, что такое человек и в чём заключается его человечность, остаётся центральным для философской мысли на протяжении всей её истории. Однако в эпоху антропологического кризиса этот вопрос обретает особую остроту. Как справедливо отмечают современные исследователи, в наши дни усиливается тревога о размывании границ человечности [4]. Технологические трансформации, биотехнологии, развитие

---

¹ <https://conflictmanagement.ru/coj-lyubov-nikolaevna/>

искусственного интеллекта и цифровизация ставят под сомнение сами основания того, что значит «быть человеком».

В этих условиях возникает необходимость **философско-конфликтологического подхода**, который позволяет рассмотреть человека не как статичную сущность, а как поле напряжения между различными силами, как существо, постоянно переопределяющее свои границы и разрешающее (или углубляющее) фундаментальные конфликты своего бытия. Такой подход даёт возможность не только понять истоки современного антропологического кризиса, но и наметить возможные пути его преодоления.

Конфликтологическая оптика предполагает, что человеческое бытие по своей природе **конфликтно**: оно разворачивается между природой и культурой, индивидом и обществом, конечным и бесконечным, наличным и должным. Человечность, в свою очередь, предстаёт как способ разрешения этих конфликтов — или, напротив, как поле, где они проявляются с наибольшей остротой. Особое место в этом конфликтном поле занимает философия Фридриха Ницше, который предложил радикальный разрыв между человеком и человечностью, рассматривая их не как связанные понятия, а как противостоящие. Ему противостоит Фёдор Михайлович Достоевский, который утверждает абсолютную ценность каждого человека, даже самого «маленького» и «униженного».

2. Человек как проект и задача: между наличным и должным

Одна из ключевых интуиций философской антропологии заключается в том, что человек — это не заранее данная сущность, а **возможность стать человеком**, обрести человечность. Согласно Максиму Шелеру, человек представляет собой нечто принципиально новое по сравнению с животным миром, он есть «взыскующий Бог» и существо, открытое миру [6]. Эта открытость означает, что границы человека не заданы раз и навсегда — они подвижны и требуют постоянного преодоления.

Человек является целью и проектом для самого себя, ему ещё предстоит осуществиться в сфере инобытия [5]. Эта мысль обнаруживает **фундаментальный конфликт** между тем, *что есть человек*, и тем, *чем он должен стать*. Возможное в человеке есть ещё не ставшее сущее, его недостающее бытие, которое всякий раз ускользает от него как реально-сущего к иному ему как возможно-должному. Человек сам устанавливает приоритеты и способы достижения своей человечности, вырабатывая проект своего бытия [4]. Но этот выбор всегда сопряжён с конфликтом — между разными проектами, между желанием и долгом, между личным и общим.

В этом контексте особенно значимой становится кантовская постановка вопроса. Именно Иммануил Кант объявил вопрос «Что такое человек?» основным вопросом философии, сведя к нему все остальные фундаментальные вопросы: что я могу знать, что я должен делать и на что я могу надеяться [1]. Кант впервые чётко сформулировал антропологический конфликт как конфликт между двумя мирами, в которых одновременно пребывает человек.

3. Конфликт природы и свободы в кантовской антропологии

Кантовское понимание человека исходит из его **двойственной природы**: человек принадлежит двум различным мирам — миру природной необходимости и миру нравственной свободы. Соответственно, антропология делится на «физиологическую», исследующую то, «что делает из человека природа», и «прагматическую», изучающую то,

«что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [1].

Это различие задаёт **основной конфликт человеческого существования**: конфликт между детерминизмом природы и автономией свободы. Человек есть существо, раздираемое этим противоречием: он одновременно и часть природного мира, подчинённая законам причинности, и нравственное существо, способное действовать по законам свободы, которые он сам себе предписывает.

Человечность, с точки зрения Канта, заключается в **разрешении этого конфликта** в пользу свободы: человек становится человеком в той мере, в какой он способен подчинить природные инстинкты голосу практического разума, действовать по категорическому императиву. Однако это разрешение никогда не бывает окончательным — конфликт возобновляется в каждом нравственном выборе. Более того, Кант убеждён, что человек может стать человеком только через воспитание — он есть то, что делает из него воспитание [2]. Воспитание, таким образом, предстаёт как институциональный способ управления антропологическим конфликтом, как механизм расширения границ человечности.

4. Ницшеанский вызов: критика человечности как «морали рабов»

Философия Фридриха Ницше вносит в тему «человек и человечность» радикальный разрыв, предлагая рассматривать их не как связанные понятия, а как противостоящие. Человек для него — это не самоценность, а мост и «канат над пропастью» между животным и сверхчеловеком. Ценность человека определяется его способностью к самопреодолению, а не врождённой «человечностью».

Для Ницше «человечность» в её классическом понимании, основанная на христианской морали сострадания, смирения и равенства, является формой **морали рабов**. Он называет её «стадной моралью», которая подавляет сильную волю и творческий потенциал ради выживания слабых и посредственных личностей. Этот конфликт — центральный в его работе «К генеалогии морали».

Ницше рассматривает сострадание как форму нигилизма, которая ослабляет жизненные силы человека. Аскетический идеал и «мораль сострадания» направлены на подавление инстинктов и «воли к власти», которую Ницше считает сущностью жизни. Таким образом, традиционная человечность становится **границей**, которую человек должен преодолеть ради высших целей. Она оказывается препятствием на пути к самоосуществлению, формой самоограничения, которая мешает человеку раскрыть свой подлинный потенциал.

Альтернатива, предлагаемая Ницше, — это проект **сверхчеловека**, который творит свои собственные ценности, стоя «по ту сторону добра и зла». Его «мораль господ» — это мораль созидательной, сильной личности, где доблесть выше добродетели, а власть выше послушания. Сверхчеловек — это не биологическая эволюция, а качественный скачок в само-преодолении человека.

Знаменитая формула Ницше: «Человек есть нечто, что должно превзойти» — означает, что человечность как стабильное, завершённое состояние есть иллюзия. Подлинное предназначение человека — не сохранять себя, а превосходить себя, ставить перед собой всё новые задачи и преодолевать собственные пределы.

5. Достоевский и Ницше: антиподы в диалоге о человеке

Фёдор Михайлович Достоевский и Фридрих Ницше — два мыслителя, которые, почти не зная друг о друге (Достоевский умер в 1881 году, когда Ницше только начинал свой творческий путь), создали удивительно созвучные, но при этом полярно противоположные по выводам философские системы. Оба поставили в центр своих размышлений вопрос о человеке, его природе, его границах и его будущем. Оба предвидели антропологический кризис XX века и оба предложили свои пути его преодоления. Однако, как отмечает исследователь Виктор Дудкин, Достоевский во многом предугадал Ницше, но это вовсе не означает, что Ницше был эпигоном Достоевского. Достаточно вспомнить о той колоссальной роли, которую играют в философии Ницше античность и Ренессанс как альтернативные миры современному упадку, чтобы убедиться в оригинальности немецкого философа.

5.1. Достоевский: человек как тайна и образ Божий

Для Достоевского человек есть **тайна**, которую нельзя свести ни к каким формулам. В человеке борются Бог и дьявол, свет и тьма, добро и зло. Человек — это поле битвы между высшим и низшим началами. Алёша Карамазов говорит: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Человек, по Достоевскому, — это существо **амбивалентное**, в котором крайняя святость соседствует с крайним падением, а глубочайшее сострадание — с жесточайшей жестокостью.

В «Идиоте» Достоевский через образ Мышкина показывает, что подлинная человечность возможна только через смирение, любовь и сострадание. Князь Мышкин — «положительно прекрасный человек» — оказывается бессилён перед хаосом мира, но его образ остаётся идеалом человечности. Человек у Достоевского не должен становиться сверхчеловеком; он должен оставаться **человеком** — в самом глубоком, христианском смысле этого слова.

Достоевский называл себя «реалистом в высшем смысле», то есть его «реализм» был, по сути, верой в реальность высших духовных сущностей. Если Ницше обращается к натурализму, то Достоевский после недолгих ранних поисков возвращается к вере в сверхъестественное. Если для Ницше «Бог умер», то для Достоевского Бог по-прежнему является единственным гарантом порядка: «Если Бога нет, то всё позволено».

5.2. Ницше: человек как мост и препятствие

Для Ницше человек — это «нечто, что должно быть превзойдено». Устами Заратустры он провозглашает: «Человек есть канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью».

Человек в этой перспективе не является самоценностью. Он — лишь этап, переход, мост. Ценность человека определяется не тем, что он есть, а тем, что он может **преодолеть** в себе. Человек есть не цель, а средство. И самое главное, что должен преодолеть человек, — это его **человечность** в традиционном смысле: сострадание, жалость, смирение, стадность. Сверхчеловек — тот, кто должен заменить умершего Бога, тот, кто творит свою жизнь сам, без подсказки, тот, кто свободен во всём.

Однако, как подчёркивают исследователи, Ницше предстал перед русским читателем в самых разных ипостасях — от богоборца до богоискателя, от идеолога мещанства до врага его и союзника русского освободительного движения, от насаждающего «древо смерти» до проповедующего «радость жизни». Он вдохновлял на поиск ценностей: свободы, красоты, творчества, на эксперименты в искусстве, литературе, музыке, кино.

5.3. Богочеловек против сверхчеловека: сравнительная характеристика

Отношение к Богу — камень преткновения для двух мыслителей. Десакрализация мира по Ницше подразумевает, что на место ложных кумиров должен взойти сверхчеловек (в восприятии русских мыслителей — **человекобог**), который отныне ответственен за всё происходящее во Вселенной. Программа Достоевского ставит главной задачей жизни **обожение**, то есть достижение в рамках православной традиции состояния **богочеловека**. Эти две позиции непримиримо противоположны.

Как отмечает Николай Бердяев: «Антихристианское человеколюбие есть лживое, обманчивое человеколюбие. Идея человекобога истребляет человека, лишь идея Богочеловека утверждает человека для вечности». Для Достоевского немыслима любовь к человеку, если нет любви к Богу.

В вопросе о взаимном воздействии идей Достоевского на Ницше большинство критиков сходятся на том, что идеи Фёдора Михайловича повлияли на создание образа Христа в «Антихристе» немецкого философа. Кульминацией работы Ницше является его обращение к личности Иисуса Христа. Вместо осуждения, Ницше превозносит его и, по сути, превращает его в воплощение того самого «Сверхчеловека», о котором говорил в своих более ранних произведениях. Влияние работ Достоевского на Ницше становится очевидным, когда Ницше называет Иисуса «идиотом» — в положительном смысле, в качестве прямой отсылки к роману Достоевского «Идиот», где выведен образ «земного Христа», князя Мышкина.

Ницше отделяет Иисуса от христианства и, осуждая второе, говорит, что никто не смог понять подлинного смысла проповедей Христа. Для Ницше принципиальным является не соединение Бога и человека, а признание «Богом» внутреннего состояния самой личности, раскрывающей своё бесконечное содержание.

Наиболее ярко ницшеанские идеи, в особенности идея о сверхчеловеке, можно обнаружить в произведении Достоевского «Преступление и наказание». Достаточно перенести хотя бы только рассуждения Раскольникова о праве сильной личности жить и действовать как бы «по ту сторону добра и зла», чтобы уловить в них зародыш ницшеанства. В первоначальном замысле «Преступления и наказания» — убить одно ничтожное вредное и богатое существо, чтобы осчастливить на его деньги много прекрасных, но бедных людей. Позднее Достоевский изображает Раскольникова как гуманиста, горящего желанием вступить за «униженных и оскорблённых».

6. Влияние идей Достоевского и Ницше на государственное устройство

Философские идеи Достоевского и Ницше оказали глубокое, хотя и противоположное по направленности влияние на политическую мысль и государственное устройство XX века. Если Достоевский стал духовным ориентиром для тех, кто искал пути сохранения человечности в условиях социальных катаклизмов, то идеи Ницше были использованы для оправдания тоталитарных режимов и расовой идеологии.

6.1. Достоевский: «все за всех виноваты» — соборность и ответственность

Политическая философия Достоевского исходит из принципа **соборности** — идеи, что общество есть органическое целое, а не механическая сумма индивидов. Все люди связаны друг с другом глубокими, онтологическими узами. Старец Зосима в «Братьях

Карамазовых» учит: «Все за всех виноваты» — и это не моральное порабощение, а онтологическая истина о взаимосвязи всех людей.

Из этого принципа вытекает особое понимание государства. Государство, по Достоевскому, должно быть не механизмом подавления, а **организмом**, основанным на нравственной ответственности всех перед всеми. Власть не есть привилегия сильных; она есть служение. Подлинная власть возможна только тогда, когда она укоренена в нравственном авторитете, а не в силе.

В романе «Бесы» Достоевский показывает, к чему приводит отрицание этих принципов. Революционеры во главе с Петром Верховенским стремятся к «систематическому потрясению основ» и «разрушению общества и всех начал», чтобы «всех обескуражить и изо всего сделать кашу». Их борьба направлена не против конкретной несправедливости, а против самих устоев, против нравственного закона. Как отмечают исследователи, роман «Бесы» стал литературным полигоном для испытания философских и социальных идей, изображая кампанию последователей «силового пути» как некую стаю бесов — метущихся, отчаявшихся существ.

Достоевский предвидел катастрофы XX века, произошедшие из-за попыток построить рай на земле без Бога. Большевизм, нацизм, тоталитаризм — всё это, с точки зрения Достоевского, является реализацией идеи «всё позволено», когда человек ставит себя на место Бога и начинает перекраивать мир по своему усмотрению.

6.2. Ницше: иерархия и воля к власти

Политическая философия Ницше исходит из принципа **естественной иерархии**. Все люди не равны; одни рождаются для господства, другие — для подчинения. Сверхчеловек не должен подчиняться законам, созданным слабыми; он сам становится законом.

Ницше критикует государство как институт, который защищает слабых и подавляет сильных. Государство, по его мысли, есть воплощение стадной морали. Подлинное государство будущего — это государство, которое служит сверхчеловеку, создаёт условия для расцвета сильных личностей.

Как отмечает исследователь, все идеи Ницше относительно государства, христианства или назначения философии неизбежно сводились к проблеме морали, на основе норм и ценностей которой строится всё человеческое существование. Общественная мораль накладывает неизгладимый отпечаток на всю жизнь человека, зачастую определяя его жизненные пути, но при этом она эти возможности ограничивает, заставляя мыслить и действовать посредством своих понятий.

Россия, по мысли Ницше, как и Достоевский, входила в круг приоритетных интересов философа. Он был убеждён, что России предстоит сыграть исключительно важную роль в мировой истории, и, возможно, стать родиной сверхчеловека. Оценки исторических перспектив России у Достоевского и Ницше, в общем, совпадали.

6.3. «Бесы» как пророчество о тоталитаризме

Роман Достоевского «Бесы» оказался пророческим не только для России, но и для всего XX века. В образе Петра Верховенского и его ячейки Достоевский предвосхитил психологию тоталитарных революционеров: их цинизм, их готовность к любым преступлениям, их презрение к человеческой жизни.

Исследователи отмечают, что образы Ставрогина, Кириллова и других персонажей «Бесов» стали вехами мировой литературы и философии. Над образом Ставрогина впоследствии размышляли Ницше и Фрейд. Алексей Кириллов, отрицавший существование Бога и считавший, что человек способен сам стать Богом, стал предшественником ницшеанской идеи сверхчеловека. Его утверждение: «Будет богом человек и переменится физически» — созвучно ницшеанскому проекту преодоления человека.

Пётр Верховенский с товарищами по «ячейке» стали образами, которые переосмыслил итальянский режиссёр Лукино Висконти, исследуя новую «бесовщину» XX века — фашизм. Достоевский изобразил, как ненависть, злоба и агрессия начинаются в голове «бесов», а затем разрастаются в радикальное движение, в итоге перевернувшее страну вверх дном.

6.4. От сверхчеловека к идеологии расового превосходства

Идеи Ницше о сверхчеловеке и «морали господ» были переосмыслены в XX веке как идеология расового превосходства. Хотя сам Ницше не был ни националистом, ни антисемитом, его философия воли к власти и естественной иерархии была использована для оправдания нацистской идеологии.

Исследователи проводят прямые параллели между теорией сверхчеловека Ницше и фашизмом, указывая, что идея «права сильной личности» легко превращается в идею «права сильной расы». Как и в случае с Раскольниковым, который убил людей, осознав себя сверхчеловеком, идеи Ницше были использованы для оправдания массовых убийств во имя высшей цели.

Однако, как отмечают исследователи, влияние Ницше в России было воспринято по-особенному. В отличие от Запада, где акцент делался на биологической философии и борьбе за аристократическую расу, русские мыслители восприняли Ницше как мистика и пророка, а религиозная тема его философии стала главной. Бердяев писал, что Ницше «неустанно размышлял о расцвете и упадке обществ и культур», что его характеризует «резкое преобладание эстетики над этикой, биологические основы философии истории и социологии, аристократизм, ненависть к либерально-эгалитарному прогрессу и демократии».

7. Хайдеггеровская критика гуманизма: конфликт с метафизической традицией

Революционный поворот в понимании человечности совершает Мартин Хайдеггер. В своём «Письме о гуманизме» (1946) он подвергает радикальной критике традиционные формы гуманизма — античный, ренессансный, постхристианский, этический. Все они, по мысли Хайдеггера, замыкают человека в рамках выстроенной им же системы, упуская главное: человек — не сумма животного и разумного начал и не метафизический конструкт, именуемый личностью [3].

Хайдеггер обнажает **конфликт между человеком и его собственным образом самого себя**, созданным метафизической традицией. Гуманизм, по его мысли, постоянно «недомысливает» человечность человека, потому что не ставит под вопрос отношение человека к бытию. Человек в метафизике оказывается заложником собственных представлений о себе, которые маскируют подлинный вызов бытия.

Примечательно, что Ницше, по мысли Хайдеггера, остаётся в рамках метафизической традиции, несмотря на всю свою радикальность. Он мыслит человека как субъекта воли к власти и тем самым продолжает ту линию европейской метафизики, которая упускает вопрос о бытии. Однако именно Ницше доводит эту метафизику до её логического завершения, обнажая её внутренние противоречия.

Хайдеггер предлагает принципиально иное понимание человечности. Человек впервые осуществляется в **экзистенции** — в выступании в истину бытия. Бытие расположено к человеку, вызывает его своей открытостью и так или иначе получает ответ. Человечность коренится не в телесно-душевном устройстве человека, а в принятии им дара бытия. Язык — дом бытия и жилище человека [3]. В этой перспективе человек — не господин сущего и покоритель планеты, а «сосед и пастух бытия» [3].

Конфликт здесь смещается: он происходит не столько внутри человека, сколько между человеком и его **бытийной задачей**. Бездомность современного человека, по Хайдеггеру, создана его блужданием вокруг метафизических представлений о самом себе. Человек впал в конфликт с бытием, забыв о нём, и теперь должен заново научиться внимать его голосу.

8. Моральное измерение человечности: конфликт индивидуального и общественного

Человечность имеет не только метафизическое, но и ярко выраженное моральное измерение. В этике человечность понимается как отношение социума к личности, к благу человека, как признание человека конечной целью, а не только средством [4]. Кантовский категорический императив требует относиться к человеку всегда как к цели и никогда — только как к средству [1].

Однако здесь возникает **новый конфликт**: между автономией личности и требованиями общества. Ницше доводит этот конфликт до крайности, утверждая, что общество всегда стремится подчинить себе индивида через мораль, и что подлинная свобода возможна только за пределами социальных норм. Для Ницше человечность как социальный идеал есть инструмент подавления сильной личности.

Вместе с тем, как подчёркивают исследователи морали, человечность неразрывно связана с коллективностью, солидарностью, преданностью общим интересам социума. Эти понятия не противопоставлены, а дополняют и ограничивают друг друга, требуя «снятия в высшем синтезе» [7]. Человечность — это объективный закон нормального отношения общества к каждому своему члену. Если этот закон нарушается, у людей возникает отрицательное отношение к социальной системе, и они стремятся её изменить [7]. Таким образом, человечность оказывается не просто этическим идеалом, но и **критерием оценки общественного устройства**, а конфликт между индивидом и обществом — двигателем социальных изменений.

9. Русская философия о человеке и человечности: конфликт земного и божественного

Особое место в осмыслении человека и человечности занимает русская философская традиция. Для неё характерно стремление истолковать духовную жизнь человека не как особую форму мира явлений, а как своеобразную реальность, в своих глубинах связанную с абсолютными и космическими началами бытия [8]. Николай Бердяев утверждает, что человек есть «загадка в мире», его природа двойственна: он принадлежит одновременно земному и небесному, временному и вечному [8].

Интересно, что Бердяев, признавая мощь ницшеанской критики христианской морали, не принимает её окончательных выводов. Он считает Ницше пророком, обнажившим ложь буржуазной морали, но вместе с тем видит в его философии опасность человекобожества — гордыни, которая ведёт к саморазрушению. Русская философия ищет иной путь: не отрицание человечности ради сверхчеловека, а её **преображение** через соединение с божественным началом.

Русская философия обнажает **конфликт между имманентным и трансцендентным** в человеке. Человек оказывается ареной борьбы между грехом и святостью, между плотским и духовным, между конечным и бесконечным. Эта борьба не может быть окончательно разрешена в земных координатах — она проецируется на эсхатологическую перспективу. Ницшеанский сверхчеловек — это слишком земной, слишком человеческий проект, который не знает о своей подлинной духовной задаче.

Владимир Соловьёв связывает человечность с осуществлением добра как безусловного начала. По его мысли, нравственный смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы служить добру, которое имеет онтологический статус [9]. Человечность, таким образом, оказывается не просто социальной или психологической характеристикой, а **онтологическим и религиозно-нравственным измерением** человека.

10. Разведение понятий «человек» и «человечность» как методологическая основа анализа

Философско-конфликтологический анализ требует чёткого различения понятий «человек» и «человечность». Эти термины не являются синонимами, и их смешение ведёт к методологическим ошибкам и практическим заблуждениям.

Человек — это принадлежность к биологическому виду *Homo sapiens*, констатация факта рождения. **Человечность** — это качество, которое не даётся автоматически, а требует сознательных усилий [2]. Быть человеком в биологическом смысле — ещё не значит быть человечным в нравственном. Разведение этих понятий показывает, что человечность — это **достижение**, а не врождённое свойство.

В конфликтологической перспективе это различие означает, что **конфликт между человеком и человечностью** является центральным для антропологии. Человек постоянно оказывается перед выбором: реализовывать свою человечность или оставаться на уровне чисто биологического существования. Ницше добавляет к этой дилемме ещё один вариант: отказаться от человечности во имя сверхчеловеческого.

11. Развитие границ человеческого: от биологического вида к постчеловеку

Одной из важнейших задач философско-конфликтологического анализа является исследование того, как **развиваются границы человеческого** и какие конфликты это развитие порождает. Границы человека — не статичны; они постоянно переопределяются, расширяются или сужаются. Ницше был одним из первых, кто поставил вопрос о преодолении человеческих границ не как внешней трансформации, а как внутреннего само-преодоления.

11.1. Биологические границы: тело и смертность

Первая и наиболее очевидная граница человеческого — это **телесность и смертность**. Человек есть конечное существо, ограниченное в пространстве и времени. Эта граница

порождает фундаментальный конфликт: стремление к бессмертию и всемогуществу против фактической ограниченности.

Человечность в этом контексте предстаёт как **принятие конечности** и одновременно как **трансцендирование** её через культуру, память, творчество. Как писал Фёдоров, преодоление смерти становится предельным проектом человечности [10]. Ницше, напротив, призывает принять смертность и конечность как условие творчества, а не как трагедию. Для Ницше вечная жизнь — это не биологическое бессмертие, а вечное возвращение, которое требует от человека мужества принимать жизнь во всей её полноте, включая страдание и смерть. Достоевский же, будучи христианским мыслителем, видит в смерти не конец, а переход к вечной жизни, и именно эта вера в воскресение придаёт смысл человеческому существованию.

11.2. Социальные границы: нормы и идентичности

Человек всегда включён в социальные структуры, которые задают ему границы — нормы, роли, идентичности. Конфликт возникает, когда эти границы становятся слишком жёсткими или, напротив, когда они размываются.

Человечность в социальном измерении — это способность **признавать другого** как человека, несмотря на различия. Границы социальных групп (национальных, классовых, культурных) постоянно оспариваются, и конфликт вокруг них является двигателем социального развития. Однако человечность требует, чтобы эти конфликты разрешались без отрицания человеческого достоинства противника. Ницше в этом пункте идёт дальше: он не только признаёт конфликт, но и приветствует его, видя в нём источник силы и творчества. Достоевский же, напротив, призывает к примирению через любовь и покаяние.

11.3. Технологические границы: трансгуманизм и искусственный интеллект

Современный этап развития человечества ставит под вопрос сами биологические и когнитивные границы человека. Трансгуманизм предлагает расширить человеческие возможности через технологии, а искусственный интеллект бросает вызов уникальности человеческого разума.

Здесь возникает **глубочайший конфликт**: что останется от человека, если его телесность и мышление будут трансформированы или превзойдены? Человечность в этом контексте может пониматься либо как то, что необходимо сохранить, либо как то, что должно быть преодолено в пользу постчеловека. Ницшеанский сверхчеловек оказывается предтечей современных дискуссий о пост- и трансгуманизме, хотя сам Ницше мыслил это преодоление в терминах духа и воли, а не технологий.

Как отмечает философская антропология, сегодня западная философия склонна отчуждать от человека человечность и передавать право на неё нечеловеческому миру [4]. Это означает, что границы человеческого не просто расширяются, но могут быть **утрачены**, если человечность будет признана за машинами или иными сущностями.

Достоевский же предупреждал об опасности технологического и рационалистического подхода к человеку. В «Записках из подполья» он показывает, что человек — не математическая формула, не «штифтик» в механизме; он всегда остаётся иррациональным, свободным, непредсказуемым существом. Любая попытка «переделать» человека по заранее заданному плану (будь то план утопистов, социалистов или

современных трансгуманистов) неизбежно сталкивается с этой фундаментальной иррациональностью человеческой природы.

11.4. Духовные границы: выход к Абсолюту

Наконец, границы человеческого проходят между конечным и бесконечным, между временным и вечным. Человек — существо, всегда выходящее за свои пределы, стремящееся к Абсолюту, к смыслу, к истине.

Бердяев утверждает, что человек есть «загадка в мире» именно потому, что его природа двойственна [8]. Человечность — это способность удерживать это напряжение между земным и небесным, не впадая ни в гордыню (что угрожает ницшеанскому сверхчеловеку), ни в отчаяние. Ницше, отрицая Абсолют, приходит к нигилизму, но именно через этот нигилизм открывает возможность творчества новых ценностей. Достоевский же утверждает, что без Абсолюта человек неизбежно теряет себя, ибо только в отношении к Богу он обретает подлинную меру своей человечности.

12. Человечность как разрешение фундаментальных конфликтов

Обобщая проведённый анализ, можно утверждать, что человечность предстаёт как **способ разрешения фундаментальных конфликтов** человеческого существования. Ниже приведена сводная таблица основных конфликтов и их разрешений через человечность, с включением ницшеанской и достоевской перспектив:

Тип конфликта	Полюса конфликта	Достоевский	Ницше
Онтологический	Природа ↔ Свобода	Свобода через смирение и любовь	Воля к власти как преодоление природного
Экзистенциальный	Человек ↔ Бытие	Человек как образ Божий, тайна	Бытие как воля к власти, творчество ценностей
Социальный	Индивид ↔ Общество	«Все за всех виноваты» — соборность	Конфликт как условие роста; мораль господ против морали рабов
Моральный	Добро ↔ Зло	Покаяние и искупление через любовь	«По ту сторону добра и зла»; переоценка ценностей

Тип конфликта	Полюса конфликта	Достоевский	Ницше
Религиозный	Земное ↔ Божественное	Богочеловек — соединение с Богом	«Бог умер»; человек должен стать сверхчеловеком
Антропологический	Человек ↔ Человечность	Человечность как путь к Богу через любовь	Человечность — препятствие; нужно преодолеть человека
Технологический	Человек ↔ Постчеловек	Сохранение человеческого ядра	Сверхчеловек — предтеча постчеловека

В каждом из этих конфликтов человечность не устраняет противоположности, а **удерживает их в напряжении**, находя каждый раз новое решение, новый баланс. Именно поэтому человечность не может быть раз и навсегда определена — она всякий раз заново утверждается в акте свободного выбора.

Достоевский предлагает путь **удержания** конфликта через любовь и сострадание. Для него подлинная человечность — это способность вместить в себя весь мир, быть ответственным за всех и за всё. «Все за всех виноваты» — эта формула не отменяет конфликта, но переводит его в измерение всеобщей ответственности. Человек не может просто «переступить» через Другого (как пытался сделать Раскольников), потому что Другой — это он сам.

Ницше предлагает радикальное решение: не удерживать напряжение, а разрешить его через преодоление самого человека и его человечности. Однако это решение само порождает новый конфликт — между сверхчеловеком и тем, что остаётся от человека. Как показывает исторический опыт XX века, попытка построить общество на принципах «сверхчеловека» приводит к тоталитаризму, расизму и уничтожению миллионов людей. Достоевский в «Бесах» предвидел это: идея человекобожества неизбежно оборачивается бесчеловечностью.

13. Заключение: человек как пограничное существо между животным и сверхчеловеком

Философско-конфликтологический анализ человека и человечности, дополненный ницшеанской и достоевской перспективами, приводит к выводу: человек есть **пограничное существо**, существующее на пересечении множества границ. Он одновременно природен и сверхприроден, конечен и стремится к бесконечному, индивидуален и социален, детерминирован и свободен.

Ницше добавляет к этому перечню ещё одно фундаментальное измерение: человек есть **канат над пропастью** между животным и сверхчеловеком. Его предназначение — не сохранять себя, а превосходить себя. В этом смысле человечность, понятая как стабильное

состояние, как набор моральных качеств, оказывается не целью, а препятствием. Подлинная задача человека — не быть человеческим в традиционном смысле, а **преодолевать** самого себя, выходить за собственные пределы.

Однако здесь возникает парадокс, который гениально раскрыл Достоевский: само это преодоление требует от человека тех качеств, которые мы традиционно связываем с человечностью — мужества, верности, любви к жизни, способности к творчеству. Ницше разрывает человечность и человеческое величие, но само это величие оказывается невозможным без некоторых «человеческих» качеств.

Более того, как показывает Достоевский, попытка преодолеть человечность неизбежно приводит к утрате самого человека. Раскольников, убив старуху, теряет себя; он не становится сверхчеловеком, а превращается в больного, мучимого совестью человека. Иван Карамазов, не принимающий Бога, не становится свободным, а впадает в безумие. Кириллов, решивший стать Богом, кончает самоубийством. Ставрогин, переступивший через все нравственные запреты, погибает духовно.

Человечность — это не свойство, которое человек имеет, а **способ бытия**, в котором он разрешает (или углубляет) конфликты своего существования. Человечность — это задача, проект, требующий постоянного осуществления. Она раскрывается в напряжённом диалоге между свободой личности и требованиями бытия, между индивидуальным и общественным благом, между природной данностью и нравственным долженствованием.

Разведение понятий «человек» и «человечность» выполняет несколько принципиальных функций:

Функция различения	Смысл
Указывает на задачу	Человечность — цель, а не исходная точка
Служит критерием	Оценка поступков и общественного устройства
Защищает от редукции	Человек не сводится к биологии, социуму или технике
Задаёт вектор развития	Направление самосовершенствования
Открывает к Другому	Человечность — выход за пределы эго
Обеспечивает универсальность	Основа для признания достоинства всех людей

Таким образом, разведение человека и человечности — это **не академическая игра**, а фундаментальная философская операция, без которой невозможно ни понять природу человека, ни построить справедливое общество, ни воспитать нравственную личность. Как точно сформулировано в философской антропологии, человеческое в человеке определяется не фактом его рождения, а **свободным выбором личности**, и только от

самого человека зависит, насколько он следует своей сущности, признавая или отклоняя требования бытия [5].

Сегодня, когда западная философия склонна отчуждать от человека человечность и передавать право на неё нечеловеческому миру, а русская философия пытается ответить на вызовы антропологической катастрофы новыми проектами понимания человека [4], обращение к классическим философским идеям становится не просто академическим упражнением, а насущной необходимостью. Понять, что значит быть человеком, — значит взять на себя ответственность за осуществление человечности в себе и в мире. В этом смысле философско-конфликтологический анализ не только описывает, но и **формирует** человечность как практическую задачу каждого человека и всего человечества в целом.

И здесь спор Достоевского и Ницше остаётся открытым. Возможно, подлинная человечность заключается именно в способности **отказаться** от успокоительной морали сострадания и принять на себя риск творчества новых ценностей — как предлагает Ницше. Или, напротив, подлинное величие человека — в его способности к любви и солидарности, которые Ницше объявил слабостью, — как утверждает Достоевский.

Философско-конфликтологический анализ не даёт окончательного ответа на этот вопрос — он лишь показывает, что конфликт между этими интерпретациями является **неустранимым условием человеческого существования**. Человек всегда будет стоять перед выбором: оставаться в границах своей человечности или пытаться их преодолеть. И каждый новый исторический этап будет возвращать нас к этому фундаментальному спору.

Но одно можно утверждать с определённой уверенностью: **человечность** — это не то, что дано человеку автоматически, и не то, от чего он может просто отказаться. Это то, что он должен **осуществить** в каждом акте своего существования. И в этом осуществлении ему помогают как Достоевский, напоминающий о любви и сострадании, так и Ницше, призывающий к мужеству и творчеству. Истина, возможно, находится не в отрицании одного ради другого, а в напряжённом диалоге между ними — в том самом конфликте, который и составляет суть человеческого бытия.

---

14. Словарь понятий и терминов

Антропологический кризис — состояние современной культуры, характеризующееся размыванием традиционных представлений о человеке, его природе, предназначении и границах. Возникает под влиянием технологических трансформаций, биотехнологий, развития искусственного интеллекта и цифровизации, которые ставят под сомнение уникальность и целостность человеческого бытия [4]. Достоевский и Ницше предвидели этот кризис каждый по-своему.

Антропология прагматическая — по И. Канту, раздел антропологии, изучающий то, «что человек, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [1].

Антропология физиологическая — по И. Канту, раздел антропологии, исследующий то, «что делает из человека природа» [1].

Аскетический идеал — в философии Ницше, система ценностей, требующая подавления инстинктов, самоограничения и отказа от жизненных сил во имя высших целей.

Бездомность (экзистенциальная) — у М. Хайдеггера, состояние современного человека, утратившего связь с бытием и блуждающего вокруг метафизических представлений о самом себе [3].

Богочеловек — в философии Достоевского и русской религиозной мысли, идеал человека, достигшего обожения через соединение с Богом, через любовь, смирение и сострадание. Противопоставляется ницшеанскому сверхчеловеку.

Бытие — фундаментальная философская категория, обозначающая всё существующее как таковое, а также предельное основание всего сущего.

Воля к власти — центральное понятие философии Ницше, обозначающее фундаментальную движущую силу жизни, энергию для становления и творчества.

Границы человеческого — пределы, определяющие человеческое существование. Могут быть биологическими, социальными, технологическими и духовными.

Гуманизм — философская и культурная позиция, утверждающая ценность человека как личности. Подвергнут критике Хайдеггером и Ницше.

Двойственность человека — фундаментальная характеристика человеческого существования, проявляющаяся в принадлежности человека одновременно двум мирам: природному и нравственному.

Достоевский Ф. М. — русский писатель и мыслитель, утверждавший абсолютную ценность человека как образа Божия, критиковавший идею «человекобога» и предвидевший катастрофы тоталитаризма.

Императив категорический — основное нравственное требование в этике И. Канта: относиться к человеку всегда как к цели и никогда — только как к средству [1].

Космизм русский — направление русской философской мысли, рассматривающее человека в неразрывной связи с космосом. Основоположник — Н. Ф. Фёдоров [10].

Мораль господ — в философии Ницше, тип морали, характерный для сильных, творческих личностей, которые сами устанавливают ценности.

Мораль рабов — в философии Ницше, тип морали, созданный слабыми для защиты от сильных; основан на сострадании, смирении и равенстве.

Нигилизм — в философии Ницше, кризисное состояние культуры, вызванное обесцениванием высших ценностей.

Ницше Ф. — немецкий философ, провозгласивший «смерть Бога» и идею сверхчеловека, критиковавший традиционную мораль как «мораль рабов».

Постчеловек — гипотетическое существо, которое придёт на смену современному человеку в результате технологической эволюции.

Проект человека — понимание человека как незавершённого существа, которое само строит себя [5].

Редукция человека — сведение человека к одному из его аспектов или функций [4].

Ressentiment (ресентимент) — в философии Ницше, форма вытесненной злобы, зависти и ненависти, которая возникает у слабых по отношению к сильным.

Сверхчеловек — центральное понятие философии Ницше, обозначающее цель эволюции человека, существо, творящее собственные ценности и стоящее «по ту сторону добра и зла».

Свобода — способность человека действовать по собственным законам, независимо от внешней детерминации.

Соборность — понятие русской философии, обозначающее органическое единство людей, основанное на любви и взаимной ответственности.

Стадная мораль — в философии Ницше, мораль, направленная на сохранение общества за счёт подавления сильных и творческих личностей.

Сущее — в философии М. Хайдеггера, всё, что существует в мире; противопоставляется бытию как предельному основанию [3].

Трансгуманизм — мировоззренческое движение, выступающее за использование технологий для радикального улучшения человеческой природы.

Человек — биологический вид *Homo sapiens*, а также существо, обладающее разумом, самосознанием и способностью к нравственному выбору.

Человечность — качество, характеризующее человека с точки зрения его нравственного достоинства, способности к состраданию, любви, солидарности [4]. В философском смысле — задача и проект.

Человекобог — в философии Ницше и русской мысли, человек, ставящий себя на место Бога; критикуется Достоевским как путь к саморазрушению.

Экзистенция — в философии М. Хайдеггера, способ бытия человека, характеризующийся тем, что его бытие становится для него самой проблемой [3].

---

15. Список литературы

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Чоро, 1994. — Т. 7. — С. 137–376.
2. Кант И. О педагогике // Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. — С. 445–504.
3. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 192–220.
4. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Философская антропология. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. — 240 с.
5. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. — СПб.: Лань, 1997. — 384 с.
6. Шелер М. Положение человека в Космосе // Шелер М. Избранные произведения. — М.: Гнозис, 1994. — С. 129–194.

7. Франк С. Л. Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — 511 с.
8. Бердяев Н. А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
9. Соловьёв В. С. Оправдание добра // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1988. — Т. 1. — С. 47–548.
10. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела // Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Прогресс, 1995. — Т. 1. — С. 51–748.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 5–237.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 238–406.
13. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 407–524.
14. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 231–490.
15. Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 525–586.
16. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М.: Художественная литература, 1970.
17. Достоевский Ф. М. Идиот. — М.: Художественная литература, 1970.
18. Достоевский Ф. М. Бесы. — М.: Художественная литература, 1970.
19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — М.: Художественная литература, 1970.
20. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. — М.: Художественная литература, 1970.
21. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. — М.: АСТ, 2006.
22. Бердяев Н. А. Смысл творчества. — М.: АСТ, 2006.
23. Дудкин В. Достоевский — Ницше: проблема человека. — М.: Инфра-М, 2025.
24. Пигалев А. И. Достоевский и Ницше о преодолении нигилизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 63. — С. 123–135.
25. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. — М.: АСТ, 2002.

(Текст статьи нигде не опубликован. Представлен для сайта Московской школы конфликтологии)